

Каюсь, что так. К тому же почти во всем, что меня мучает, есть примесь какой-то сладости, хотя и обманчивой; но в этой скорби все так сурово, и горестно, и страшно, и путь к отчаянию открыт ежеминутно, и каждая мелочь толкает к гибели несчастную душу. Притом все прочие мои страсти сказываются хотя частыми, но краткими и скоропреходящими вспышками, эта же чума по временам схватывает меня так упорно, что без отдыха истязает меня целые дни и ночи; тогда для меня нет света, нет жизни: то время подобно кромешной ночи и жесточайшей смерти. И, что можно назвать верхом злополучия, – я так упиваюсь своей душевной борьбой и мукою, с каким-то стесненным сладострастием, что лишь неохотно отрываюсь от них.

Августин

Ты прекрасно знаешь свою болезнь; если бы только ты знал и ее причину! Итак, скажи мне, что огорчает тебя до такой степени? Сумятица ли повседневной жизни? Или телесная боль? Или какой-нибудь удар жестокой судьбы?

Франциск

Ничто в отдельности из названного тобою. Будь я испытуем в единоборстве, я, несомненно, устоял бы; теперь же я гибну под натиском целого войска.

Августин

Объясни точнее, что тебя угнетает.

Франциск

Каждый раз, когда судьба наносит мне одну какую-нибудь рану, я остаюсь тверд и неустрашим, памятуя, что уже не раз, тяжко пораженный ею, я выходил победителем; если вскоре затем она наносит мне вторую рану, я начинаю несколько колебаться; когда же за теми двумя следуют третья и четвертая рана, тогда я поневоле, не бегом стремительным, а шаг за шагом, отступаю в крепость разума. Но если судьба обрушивается на меня всей своей ратью и, чтобы сокрушить меня, скликает и образы человеческих бедствий, и воспоминание о пережитых муках, и страх грядущих, тогда-то, теснимый со всех сторон, до ужаса напуганный таким скоплением бед, я стенаю, и тогда возникает эта тяжкая скорбь, как если кто окружен бесчисленными врагами, и нет ему выхода, нет ни надежды на пощаду, ни утешения, но все грозит ему гибелью – уже поставлены осадные машины, вырыты подземные ходы, уже шатаются башни, лестницы уже приставлены к укреплениям, к стенам подведены укрытия на колесах и огонь бежит по крышам, видя со всех сторон сверкающие мечи и грозные лица врагов и сознавая близость своей гибели, может ли он не страшиться и не скорбеть, когда и без этих ужасов одна потеря свободы есть для мужественного человека величайшее страдание?

Августин

Хотя твой рассказ и беспорядочен, однако я понимаю, что причина всех твоих бед – неверная мысль, которая и в прошлом погубила бесчисленное множество людей, и многих еще погубит: ты считаешь себя несчастным.

Франциск

Как нельзя более.

Августин

По какой причине?

Франциск

Не по одной, а по многим.

Августин

С тобою происходит то же, что с человеком, который из-за любого ничтожного оскорбления воскрешает в своей памяти весь ряд минувших обид.

Франциск

Ни одна рана во мне не настолько стара, чтобы она была излечена забвением, но все болящие свежи, и если что от времени могло бы зажить, судьба так часто ударяла по тому же месту, что рубец никогда не стянул зияющей раны. Прибавь сюда еще мою ненависть и отвращение к человеческому состоянию; угнетаемый всем этим, я не могу не быть глубоко печальным. Назовешь ли ты это чувство *acidia*, или *aegritudo*, или как-нибудь иначе для меня не важно; насчет самой вещи мы согласны.

Августин

Так как, сколько я вижу, болезнь пустила глубокие корни, то залечить ее поверхностно было бы бесцельно, ибо она вскоре проявилась бы снова; необходимо удалить ее с корнем. Но я недо-